

ОПРЕДЕЛЕНИЕ

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации в составе:

председательствующего ГАЛИУЛЛИНА З. Ф.,

судей ЛАМИНЦЕВОЙ С. А. и ЕРМИЛОВА В. М.

рассмотрела в судебном заседании от 9 января 2002 года дело по кассационному протесту и по кассационным жалобам осужденного Моисеева В. И. и адвокатов ГERVISA Ю. П., ЯБЛОКОВА А. Ю., КОСТРОМИНОЙ К. Л. и МОСКАЛЕНКО К. А. на приговор Московского городского суда от 14 августа 2001 года, по которому

Моисеев Валентин Иванович, 10 марта 1946 года рождения, уроженец г. Ленинграда, несудимый –

осужден по ст. 275 УК РФ с применением ст. 64 УК РФ к 4 годам 6 месяцам лишения свободы в исправительной колонии строгого режима с конфискацией имущества.

Заслушав доклад судьи Ермилова В. М., объяснения осужденного Моисеева В. И., адвокатов ГERVISA Ю. П., ЯБЛОКОВА А. Ю., КОСТРОМИНОЙ К. Л., МОСКАЛЕНКО К. А. поддержавших кассационные жалобы, и заключение прокурора Титова А. В., поддержавшего кассационный протест и просившего оставить кассационные жалобы без удовлетворения, судебная коллегия

УСТАНОВИЛА:

Моисеев признан виновным в том, что, являясь гражданином СССР, а затем РФ, совершил государственную измену в форме шпионажа в ущерб внешней безопасности государства при обстоятельствах, изложенных в приговоре.

В судебном заседании осужденный Моисеев вину не признал и показал, что по роду службы и научной деятельности был знаком с работником посольства Республики Корея Ч. С. У., о принадлежности которого к южнокорейским спецслужбам не знал и не догадывался. Те сведения, которые он передавал ему, носили чисто научный характер и не составляли государственной тайны.

В кассационных жалобах (основных и дополнительных):

осужденный Моисеев считает, что судебное следствие по делу проведено неполно, предвзято и односторонне, что выводы суда не соответствуют исследованным доказательствам и игнорируют указания, содержащиеся в определении Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 25 июля 2000 года. Полагает, что судом не учтены изучавшиеся в ходе судебного заседания переводы на русский язык документов на корейском языке, поступившие из УКРО ФСБ. Указывает, что в «проекте приказа» говорится не о нём, а о другом человеке. Ссылается на постановление Конституционного Суда РФ №17-П и ст. 29 Конституции РФ, в силу которых уголовная ответственность за выдачу государственной тайны иностранному государству правомерна лишь при условии, что перечень сведений составляющих государственную тайну, содержится в официально опубликованном для всеобщего сведения Федеральном законе. Указывает, что такой перечень был определен Федеральным законом «О внесении изменений и дополнений в Закон РФ «О государственной тайне» от 6 октября 1997 года. Считает, что вывод суда о передаче им секретных документов и сведений южнокорейским спецслужбам, является несостоятельным. О неполноте судебного следствия и нарушении его права на защиту, по его мнению, свидетельствует то, что суд не допросил указанных в обвинительном заключении свидетелей Моисеева Л. П. и Нагай, а также отклонил ходатайства защиты о вызове в суд переводчика Алексева и другие. Оспаривает выводы суда о доказанности его вины, изложенные в приговоре, и считает обвинение бездоказательным. Утверждает, что суд не выполнил требований ст.314 УПК РСФСР, не указав в приговоре место, время и способ передачи документов. Просит приговор отменить и производство по делу прекратить;

адвокат Яблоков считает приговор не законным и необоснованным, что изложенные в нем обстоятельства не в полной мере соответствуют материалам дела. Ссылается на то, что по делу незаконно участвовал военный прокурор. Считает незаконными определения суда, которые суд вынес, совещаясь на месте, и отклонил ходатайства Моисеева и его защитников о выдаче им копий этих определений и о направлении их жалоб в Конституционный Суд РФ. Полагает, что замена состава суда под председательством судьи Коваль, противоречит ст.ст.241-243 УПК РСФСР, ч.1 ст.47 Конституции РФ и ст.6 Европейской Конвенции о защите прав человека. Указывает, что, как и следствие, суд в основу приговора положил вынужденные первоначальные показания Моисеева, данные им на предварительном следствии. Все ходатайства Моисеева и защиты о проведении объективной прокурорской проверки, судом были отклонены. Доводы Моисеева в приговоре не анализировались и остались без внимания. Утверждает, что Моисеев вплоть до своего ареста встречался с Ч. С. У. как действующий по заданию ФСБ РФ его негласный агент, и ссылается на доказательства, которые, по его мнению, подтверждают его вывод. Считает, что выводы суда в приговоре о секретности сведений, якобы переданных Моисеевым, неконкретны и необоснованны, что эту проблему не ре-

шают и ссылки в приговоре на заключения экспертиз по определению секретности сведений. Полагает, что экспертные заключения сомнительны и указывает, в чем это выражается. Не согласен с аргументацией суда, не признавшего правильность доводов адвокатов о том, что до 6 октября 1997 года отсутствовал перечень сведений, составляющих государственную тайну. Полагает, что суд положил в основу приговора недопустимые с точки зрения закона доказательства, а именно документы, полученные оперативным путем, и заключений экспертов по определению секретности сведений. По его мнению, обвинительная направленность судебного разбирательства, односторонность проявились не только в том, что все ходатайства защиты были необоснованно отклонены, но и в том, что был значительно сокращен список вызванных в суд и допрошенных свидетелей. Утверждает, что в приговоре искажены показания перечисленных им свидетелей. Полагает, что органы следствия и суд расширили формулу обвинения (указав, что Моисеев как гражданин СССР, а затем гражданин РФ) и не учли того, что ст.275 УК РФ предусматривает специального субъекта преступления – только гражданина РФ. Ссылается на то, что обвинение Моисееву по ст.64 УК РСФСР не предъявлялось и суд не мог квалифицировать его действия по ст.275 УК РФ, поскольку она ухудшает его положение. Полагает, что в настоящем приговоре увеличен объем обвинения Моисеева по сравнению с ранее отмененным приговором, то есть, ухудшено положение осужденного. Утверждает, что Моисеев добровольно сообщил о встречах с Ч. С. У. и в связи с примечанием к ст.275 УК РФ должен быть освобожден от уголовной ответственности. Утверждает, что суд не указал мотивы, приведшие Моисеева к государственной измене, что в суде достоверно не установлено сотрудничество Моисеева с АПНБ, выдачи им государственной тайны или оказания иной помощи иностранному государству, с целью причинения ущерба России. Считает, что изложенные в приговоре доказательства получены с нарушением уголовно-процессуального закона, которые недопустимы как доказательства. По его мнению, в действиях Моисеева не установлено состава преступления. Просит приговор отменить и уголовное дело в отношении Моисеева прекратить за отсутствием в его действиях состава преступления;

адвокат Гервис считает, что приговор вынесен незаконным составом суда, так как в деле имеется протокол законченного судебного следствия составом суда под председательством другого судьи, но нет вынесенного приговора или определения суда. В связи с этим полагает, что состав суда, постановивший приговор, является незаконным. Утверждает, что суд нарушил право Моисеева на защиту, в отношении которого использовались незаконные методы ведения следствия. Ссылается на то, что судом оставлено без рассмотрения ходатайство Моисеева и его защитника о рассмотрении его уголовного дела судом присяжных. Считает, что судебное следствие было односторонним и неполным, что выводы суда не соответствуют фактическим обстоятельствам дела, что допущено существенное нарушение уголовно-процессуального зако-

на и неправильно применен уголовный закон. Указывает, что суд не допросил свидетелей Моисеева Л. П., Нагая, которые указаны в списке свидетелей, а так же Моисеева Н. В., Еременко и других, допрошенных на предварительном следствии и в предыдущих судебных заседаниях. Ссылается на то, что суд необоснованно отклонил все ходатайства подсудимого и его защиты о дополнении судебного следствия. Полагает, что суд построил приговор на обстоятельствах не нашедших подтверждения в судебном заседании и на доказательствах не исследованных в суде, а также полученных с нарушением федерального закона. Утверждает, что доказательства, приведенные в приговоре, не свидетельствуют о совершении Моисеевым государственной измены. Считает, что суд применил закон, который действует с 1 января 1997 года и ухудшает положение Моисеева. Указывает на то, что суд конфисковал имущество, принадлежащее семье Моисеевых. Просит приговор в отношении Моисеева отменить и прекратить уголовное дело на основании п.2 ст.5 УПК РСФСР;

адвокат Костромина считает, что приговор вынесен с нарушением норм как внутреннего, так и международного права. Ссылается на нормы Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод, которые, по её мнению, были нарушены, и подробно излагает допущенные нарушения. Утверждает, что нарушена ст.3, предусматривающей права на защиту от унижающего достоинство обращения, при этом, в частности, ссылается на то, что Моисеев, находясь в следственном изоляторе, перенес множество заболеваний, что он был подвергнут психическому и психологическому воздействию с целью добиться от него желаемого для следствия поведения и показаний. Указывает на нарушение ст.5 о праве на свободу и личную неприкосновенность, так как считает, что Моисеев был задержан и содержался под стражей незаконно. Утверждает, что его длительное время вводили в заблуждение относительно характера и причин задержания, что ему не были реально разъяснены его права и ст.51 Конституции РФ, его показания были использованы против него. Считает, что допущено нарушение ст.6 о праве на справедливый суд, полагает, что при судебном разбирательстве было неравенство сторон, нарушено право на «публичное разбирательство» и право на разбирательство дела в разумные сроки, что нарушено право на разбирательство дела независимым и беспристрастным судом, и право на презумпцию невиновности. Считает, что было нарушено право Моисеева на защиту на предварительном следствии и на суде, что он не имел достаточных возможностей для подготовки своей защиты, поскольку обвинительное заключение ему выдавалось спец. частью время от времени по его заявлению. Указывает на нарушения ст.7, согласно которой наказание может быть назначено исключительно на основании закона. Полагает, что суд признал секретными сведения за 1994-осень 1997 г.г. в отсутствии правовой базы. Считает, что Моисеев признан виновным в том, что не являлось преступлением в тот момент времени, в который Моисееву вменяется совершение незаконных действий. Ссылается на нарушение ст.8, то есть права

Моисеева на уважение частной и семейной жизни. Просит приговор отменить, дело производством прекратить;

адвокат Москаленко в дополнительной кассационной жалобе, к кассационным жалобам осужденного Моисеева и адвоката Костроминой, указывает на нарушения в отношении осужденного Моисеева с точки зрения Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод, в частности ст.5(3) ст.6(1), предусматривающих право на судебную санкцию на арест и содержание под стражей, право каждого заключенного под стражу на то, чтобы его дело рассмотрено в разумные сроки, либо он был освобожден из-под стражи до вынесения приговора суда, а также право каждого заключенного под стражу на разумный срок разбирательства его дела. Излагает, в чем выразились эти нарушения. Поддерживает кассационные жалобы осужденного Моисеева и адвоката Костроминой, и просит приговор отменить, дело производством прекратить.

В кассационном протесте государственный обвинитель, не оспаривая доказанность вины Моисеева в совершении государственной измены и правильность квалификации его действий, считает, что назначенное ему наказание является явно несправедливым вследствие мягкости, так как не соответствует тяжести преступления и личности осужденного. Указывает, что перечисленные в приговоре обстоятельства при назначении наказания Моисееву не могут претендовать на отведенную им судом роль исключительных, поскольку не связаны с целями и мотивами преступления, ролью виновного, его поведением во время или после совершения преступления, существенно не уменьшают степень общественной опасности деяния. По его мнению, вывод суда о наличии совокупности исключительных обстоятельств не соответствуют требованиям ст.64 УК РФ. Просит приговор в отношении Моисеева отменить, вследствие мягкости назначенного ему наказания, дело направить на новое судебное рассмотрение.

Проверив материалы дела, и обсудив доводы, изложенные в кассационных жалобах и протесте, судебная коллегия находит их не подлежащими удовлетворению по следующим основаниям.

Доводы кассационных жалоб не соответствуют материалам дела, из которых видно, что выводы суда о доказанности вины осужденного Моисеева в совершенном преступлении основаны на собранных по делу доказательствах, всесторонне, полно и объективно исследованных в судебном заседании.

Из материалов дела усматривается, что 3 июля 1998 года по подозрению в совершении государственной измены в своей квартире был задержан Моисеев, сразу же после ухода от него сотрудника Агентства по планированию национальной безопасности (АПНБ) Республики Корея Ч. С. У..

Доставленный в следственное Управление ФСБ Моисеев подробно рассказал о состоявшихся с Ч. С. У. встречах и передаче последнему сведений, касающихся российско – северокорейских отношений.

Неоднократно допрошенный на предварительном следствии Моисеев показал, что с Ч. С. У. познакомился до отъезда в служебную командировку в Сеул, по инициативе последнего встречался с ним в Сеуле, а после возвращения из командировки - в Москве с периодичностью примерно 3-4 раза в месяц. Встречались в кафе, ресторанах, зачастую у него, Моисеева, дома. Поддерживая устойчивые неслужебные контакты с Ч. С. У., он нарушал взятое на себя обязательство о неразглашении сведений, составляющих государственную и служебную тайну, которые становились известны по службе. Сообщал и передавал Ч. С. У. служебные документы и сведения, предполагая на начальном этапе, а затем с 1996 года точно зная, что Ч. С. У. является официальным представителем АПНБ. За передачи Ч. С. У. служебных документов и сведений, он получал от него денежные вознаграждения, примерно 1 раз в месяц в размере 500 долларов США. В феврале 1995 или 1996 года Ч. С. У. выплатил ему 2000 долларов США, а в апреле 1998 года – 1000 долларов США, передавая деньги в конвертах. Ч. С. У. передал копии проектов договоров между РФ и КНДР, копию стабильной справки о военном положении, информировал его о намерении северокорейцев приобрести российское изделие в области вооружения, освещал вопросы в отношении гражданина Ч. М. Г. и приемника Ким Ир Сена, а также, точно зная о том, что Ч. С. У. является кадровым сотрудникам южнокорейской разведки и представляет интересы этой службы, по его просьбе передал ему интересующие его копии служебных документов, четко представляя себе, что иным способом получить эти документы Ч. С. У. не мог. Своему руководству о каждом конкретном контакте с Ч. С. У. не докладывал.

На допросах Моисеев подтвердил, что передал и сообщил Ч. С. У. большую часть других сведений служебного характера и назвал эти сведения.

Проанализировав и оценив показания Моисеева, суд первой инстанции обоснованно признал вышеизложенные показания Моисеева на предварительном следствии достоверными, поскольку они объективно подтверждаются совокупностью собранных доказательств по делу.

Из показаний свидетеля К. Г. Б. видно, что 12 сентября 1990 года в связи с оформлением на работу в Министерство Иностранных Дел Моисеевым было подписано обязательство установленного образца, предусматривающее недопустимость разглашения сведений, составляющих государственную и служебную тайну, которые будут доверены или станут ему известными по службе. Практически все документы, подготовленные МИД РФ и содержащие оценки политической или экономической ситуации в той или иной стране, а также развитие двухсторонних отношений в различных областях сотрудниче-

ства РФ с другими государствами, имеют конфиденциальный характер и не подлежат огласке и передаче другому государству.

Свидетели М. А. И. и И. А. Т. показали, что Моисеев согласно должностному положению имел доступ ко всем служебным документам и владел информацией по всем сведениям, которые интересовали южнокорейскую сторону. В кругу корееведов все знали о причастности Ч. С. У. к южнокорейским спецслужбам АПНБ, о чем должен был знать и Моисеев.

Свидетель М., сотрудник ФСБ РФ показал, что в январе 1996 года им был установлен служебный контакт с начальником Отдела Кореи 1 ДА МИД РФ Моисеевым и он уведомил его о том, что Ч. С. У. является официальным представителем АПНБ Республики Кореи в Москве. В одной из повторных встреч Моисеев сообщил ему, что о принадлежности Ч. С. У. к южнокорейским спецслужбам ему давно известно от своих корейцев по определенному признаку.

Сам осужденный Моисеев не отрицал факта передачи Ч. С. У. доклада «Политика России на Корейском полуострове и 4 фотографий с изображением северокорейских дипломатов и ответственных работников МИД РФ, которые были изъяты у Ч. С. У. при доставлении его в приемную ФСБ РФ.

Из справки ДПУ ФСБ РФ от 7 июля 1998 года усматривается, что Ч. С. У., являясь кадровым сотрудником АПНБ Республики Кореи, в период с 1989 по 1992 год работал в Москве, не афишируя свою принадлежность к спецслужбам.

Справкой ДПУ ФСБ РФ от 3 июля 1998 года подтверждается, что Ч. С. У., как советник посольства Республики Кореи в Москве, прибыл на работу в Москву в августе 1994 года повторно и 15 сентября 1994 года был официально представлен как сотрудник резидентуры АПНБ.

Из данных контрразведывательной работы по посольству Республики Кореи в Москве усматривается, что получены сведения о том, что резидентура спецслужб Южной Кореи регулярно получает конфиденциальную информацию политического характера по корейской проблематике, к которой имеет доступ заведующий Отделом Кореи 1 ДА МИД РФ Моисеев, поддерживающий неслужебные отношения с Ч. С. У., за регулярное денежное вознаграждение.

В письме УКРО ДКР ФСБ РФ от 19 июля 1998 года отмечено, что Моисеев во время указанной командировки поддерживал несанкционированные контакты с рядом сотрудников АПНБ. Расходы на угощения во время этих встреч оплачивались южнокорейцами. В феврале 1997 года в УКРО из СВР России поступила выписка из проекта приказа по организации работы резидентуры АПНБ в Москве на 1997 год и выписка из личного агентурного дела Моисеева, в которых зафиксированы его установочные данные, направления работы с ним резидентуры АПНБ в Москве, сведения о предоставленной им иностранной разведке информации, а также указано, что он включен в действующий агентурный аппарат АПНБ.

Из протокола осмотра проекта приказа по организации работы резидентуры в Москве усматривается, что Моисеев на начальном этапе вербовочной разработки работал в Республике Корея, а после возвращения из заграничной командировки был назначен на должность заведующего отделом 1 ДА МИД РФ.

Эти данные о месте работы Моисеева, указанные в названном проекте приказа, подтверждаются справкой о трудовой деятельности Моисеева.

В проекте приказа по организации работы резидентуры АПНБ в Москве на 1997 год также отражено, что южнокорейской разведкой через Моисеева своевременно добыты документы и материалы, касающиеся российско - северокорейских отношений, отслеживалась ситуация в северокорейском посольстве в Москве, фиксировались действия сотрудников северокорейского диппредставительства, получались сведения о результатах визитов в Пхеньян высокопоставленных российских лиц.

В проекте приказа говорится о том, что Моисеев вплоть до 1995 года представлял сотруднику резидентуры практически все запрашиваемые им документы и информацию, имевшиеся в распоряжении отдела Кореи МИД РФ, и продолжал в дальнейшем предоставлять документы, подготовленные российским посольством в Северной Корее и МИД РФ.

Судебная коллегия считает, что утверждения осужденного Моисеева в кассационной жалобе о том, что судом не учтены переводы на русский язык поступивших документов на корейском языке, и что в проекте приказа речь идет не о нём, а о другом лице, является несостоятельным.

В приговоре суд обоснованно указал, что правильность сведений, изложенных в проекте приказа по организации работы резидентуры АПНБ в Москве в отношении Моисеева В. И., а не какого-либо другого лица, подтверждается как показаниями свидетеля М., так и заключением экспертиз по определению степени секретности переданных Моисеевым сведений о том, что сведения о прекращении действия российско – северокорейского соглашения, содержащиеся в постановлении, поступившем в МИД России из посольства РФ в КНДР 11 июня 1996 года, а также изложенные в двух проектах договоров между Россией и КНДР, в стабильной справке отдела Кореи 1 ДА МИД РФ по 1997 году, в письме на имя посла РФ в КНДР от 19 сентября 1994 года, в двух материалах от 14 марта 1996 года в отношении гражданина Ч. М. Г., сведения о российском предложении начать закрытые переговоры в области военного сотрудничества, о позиции Министерства Обороны РФ в отношении межгосударственного договора РФ и КНДР, составляют государственную тайну.

Оценив заключение экспертов, суд правильно не согласился с доводами осужденного Моисеева и его защитников о некомпетентности экспертов. При этом суд обоснованно указал, что заключение экспертов сомнений не вызывает, поскольку экспертиза проведена с соблюдением уголовно-процессуальных норм, выводы научно аргументированы.

Согласно экспертным заключениям вышеназванные сведения раскрывают содержание российской международной политики, соглашений по взаимодействию с иностранными государствами в области военного сотрудничества и военной разведки, а также содержание политической значимой информации.

Показаниями свидетелей Т. М. Е. опровергаются утверждения Моисеева о том, что она, а не Ч. С. У., передала ему документ на корейском языке с перечнем российско – северокорейских договоров и соглашений на 8 листах, так называемого «шпионского задания», обнаруженного во время обыска в рабочем столе Моисеева.

Суд критически отнесся к утверждениям Моисеева о ненадлежащем переводе проекта приказа работы Московской резидентуры на 1997 год, личного досье на Моисеева и шпионского задания и о искажении значений некоторых слов. Обоснование вывода суда сомнений не вызывает.

Показания Моисеева на предварительном следствии о получении им денежного вознаграждения за передаваемые сведения представителю иностранного государства, как правильно указано в приговоре, подтверждаются протоколами обысков, из которых усматривается, что на рабочем месте Моисеева в его служебном сейфе и в квартире по месту жительства Моисеева обнаружены доллары США.

Получение Моисеевым от Ч. С. У., как представителя иностранной разведки, шпионского задания и изготовление во исполнение этого задания копий указанных в перечне документов и передача документов подтверждается заключением дактилоскопической экспертизы, а так же протоколами осмотра кабинетов по месту работы Моисеева, где хранились досье отдела Кореи и копировальный аппарат, на котором, как пояснил Моисеев, он изготовлял копии документов, заключением экспертизы по определению достоверности и степени секретности документов о том, что соглашения, протоколы и планы, перечень которых указан в исследуемом документе, имеются в отделе Кореи 1 ДА МИД РФ.

Согласно заключения экспертизы по определению степени секретности сведений, переданных Моисеевым южнокорейской разведке, после получения северокорейской стороной сведений об аресте Моисеева она поставила перед российской стороной вопрос о доверительности двухсторонних отношений. Переданные Моисеевым документы и сведения позволили южнокорейской стороне получать достаточно емкое представление о текущих подходах России к политике в отношении КНДР, Корейского полуострова и об оценках внутренней ситуации в КНДР, что представляет Республике Кореи возможность для осложнения отношений между РФ и КНДР, а также использования полученных сведений в ущерб внешней безопасности РФ, возможность посягательства на состояние защищенности жизненно важных интересов государства – конституционного строя, суверенитета и территориальной неприкосновенности РФ от внешних угроз.

Вина осужденного Моисеева в совершенном преступлении подтверждается и другими доказательствами, полно изложенными в приговоре.

Оценка всем собранным доказательствам по делу дана судом в соответствии с требованиями ст.71 УПК РСФСР. Поэтому правильность оценки доказательств, сомнений не вызывает.

Судебная коллегия считает, что правовая оценка преступным действиям Моисеева по ст.275 УК РФ, дана правильная, поскольку суд установил, что Моисеев совершил государственную измену в форме шпионажа, действуя в ущерб внешней безопасности Российской Федерации.

Суд правильно указал в приговоре, что Моисеев не может быть освобожден от уголовной ответственности за совершенное преступление по основаниям, предусмотренным примечанием к ст.275 УК РФ, как об этом утверждается в кассационной жалобе адвоката.

Судом установлено и убедительно мотивировано в приговоре, что Моисеев о совершенной им государственной измене органам власти добровольно не сообщил.

Доводы осужденного Моисеева и его защитников, изложенных также и в кассационных жалобах, о том, что в течении инкриминируемого Моисееву периода преступления имело место изменение законодательства, и что до 6 октября 1997 года отсутствовал определенный федеральным законом перечень сведений, составляющих государственную тайну, в связи с чем, Моисеев не может нести ответственность по новому российскому законодательству, и в его действиях отсутствует состав преступления, предусмотренный ст.275 УК РФ, а также, что действующий закон с 1 января 1997 года ухудшает положение Моисеева, учтены судом при постановлении приговора.

Судебная коллегия считает, что основания, по которым суд не согласился с указанными доводами, являются обоснованными.

Суд правильно указал в приговоре, что совершенное Моисеевым преступление является продолжаемым, при этом установлено, что сведения, составляющие государственную тайну, передавались Моисеевым представителю иностранной разведки по осень 1997 года. При таких обстоятельствах к Моисееву должен быть применен новый уголовный закон.

Суд так же правильно отметил, что редакция ст.275 УК РФ каких-либо существенных изменений, по сравнению с ранее действующей ст.64 УК РСФСР, не претерпела, за исключением введения в качестве признака объективной стороны преступления в виде хранения в целях передачи составляющих государственную тайну сведений иностранному государству, иностранной организации или их представителю.

В связи с этим, суд указал, что вменение Моисееву признака объективной стороны рассматриваемого преступления в виде хранения с целью передачи сведений возможно только с 1 июля 1997 года.

Согласно Закона РФ «О государственной тайне» от 21 июля 1993 года, под государственной тайной понимаются защищаемые государством сведения в области его военной, дипломатической, экономической, разведывательной, контрразведывательной и оперативно-розыскной деятельности, распространение которых может нанести ущерб безопасности Российской Федерации.

Перечень сведений, отнесенных к государственной тайне, утверждался по представлению Правительства Президентом РФ.

В соответствии с положениями ч.4 ст.29 Конституции РФ, принятой 12 декабря 1993 года, перечень сведений, составляющих государственную тайну, должен быть определен Федеральным законом.

Такой перечень был определен Федеральным Законом «О внесении изменений и дополнений в Закон РФ «О государственной тайне» от 6 октября 1997 года.

Доводы в защиту Моисеева о том, что в связи с отсутствием до указанного времени соответствующего требованиям Конституции РФ перечня сведений, составляющих государственную тайну, Моисеев не может нести ответственность за содеянное, суд обоснованно признал неправильными, сославшись на постановление Конституционного Суда РФ №8 - П от марта 1996 года.

Конституционный Суд РФ указал, что «обязанность соблюдать законодательство о государственной тайне вытекает из общеправовой обязанности органов государственной власти, местного самоуправления, должностных лиц, граждан и их объединений соблюдать Конституцию Российской Федерации и её законы». Следовательно, ст.1 Закона РФ «О государственной тайне» от 21 июля 1993 года, воспроизводящая применительно к определенной сфере общественных отношений требования статей 15 ч.2 и 29 ч.4 Конституции РФ, соответствует её положениям.

Анализируя ст.5 Закона РФ «О государственной тайне» в редакции 1993 и 1997 годов, суд правильно указывает, что эти нормы имеют лишь незначительное терминологическое несоответствие, что не может означать того, что до 6 октября 1997 года отсутствовали рычаги правового воздействия за посягательство на Основы конституционного строя и безопасность российского государства.

Необоснованными являются утверждения в кассационных жалобах о нарушениях органами следствия и судом норм уголовно-процессуального закона, внутреннего и международного права.

Вывод суда о том, что положенные в основу приговора доказательства являются допустимыми, является обоснованным, поскольку они собраны органами следствия в соответствии с требованиями ст.ст.69, 70 УПК РСФСР.

Доводы кассационных жалоб о том, что судебное следствие проведено односторонне, неполно и предвзято, опровергаются материалами дела, из ко-

торого видно, что органы следствия и суд приняли все предусмотренные законом меры для всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела, выводы суда основаны на исследованных доказательствах по делу.

Неудовлетворение судом заявленных ходатайств осужденным Моисеевым и его защитниками, а также то, что в судебном заседании не допрошены свидетели, указанные ими в кассационных жалобах, не свидетельствует о неполноте и предвзятости судебного следствия, о нарушении права Моисеева на защиту, поскольку заявленные ходатайства были разрешены судом в соответствии с требованиями уголовно-процессуального закона.

Утверждения в кассационных жалобах о незаконности состава суда, постановившего приговор, не основано на законе, поэтому является необоснованным.

То обстоятельство, что дело Моисеева начинало рассматриваться другими составами судей, которые по различным причинам не смогли довести рассмотрение дела до конца, не влияет на законность состава суда, постановившего приговор.

Не могло быть удовлетворено ходатайство Моисеева и его защитника о рассмотрении дела судом присяжных, поскольку оно подсудно Московскому городскому суду, не имеющего в настоящее время суда присяжных.

Судебное разбирательство уголовного дела Моисеева проведено закрытое, поскольку открытое разбирательство противоречит интересам охраны государственной тайны, и соответствует требованиям ч.1 ст.18 УПК РСФСР.

Не было оснований, предусмотренных ст.63 УПК РСФСР и для отвода прокурора, участвовавшего в рассмотрении дела. Основания, устраняющие его участие, указанные в кассационной жалобе адвоката Яблокова, законом не предусмотрены.

Несостоятельными являются и доводы кассационных жалоб о том, что было нарушено право Моисеева на защиту, что Моисеев подвергался психическому и психологическому воздействию, что он не имел достаточной возможности для подготовки к своей защите на суде, и ссылки на другие нарушения норм уголовно-процессуального закона, Конституции РФ и международного права, перечисленные в кассационных жалобах.

Из материалов дела видно, что Моисеев был обеспечен защитником в соответствии с требованиями закона, ему своевременно вручена копия обвинительного заключения, и он имел полную возможность для подготовки к защите на суде. Ни органами следствия, ни судом не допущено каких-либо нарушений уголовно-процессуального закона, норм Конституции РФ и международного права, в частности Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод, которые повлияли бы или могли повлиять на постановление законного и обоснованного приговора.

Все заявления о допущенных нарушениях закона, в том числе перечисленные в кассационных жалобах, в частности, о применении в отношении

Моисеева недозволённых методов следствия, проверялись судом. В приговоре указаны основания, почему они признаны необоснованными, которые сомнений не вызывают.

Судебная коллегия считает, что содержание приговора соответствует требованиям закона, поэтому не может согласиться с доводами кассационных жалоб о нарушении судом требований ст.314 УПК РСФСР, как несоответствующими содержанию приговора. Необоснованным является и утверждение в кассационной жалобе адвоката о том, что настоящим приговором ухудшено положение Моисеева по сравнению с ранее постановленным приговором, который был отменен, что видно из содержания указанных приговоров.

В жалобе также неосновательно утверждается и об искажении в приговоре показаний свидетелей.

Все доводы осужденного Моисеева и адвокатов в его защиту, которые указаны и в кассационных жалобах, исследовались в судебном заседании и в приговоре указано, почему суд с ними не согласился, и какими конкретно доказательствами по делу они опровергаются.

Выводы суда основаны на конкретных материалах дела, нормах закона, поэтому не вызывают сомнений.

Обсуждая вопрос о мере наказания Моисееву, судебная коллегия считает, что суд назначил ему наказание в соответствии с требованиями ст.60 УК РФ. Суд учел характер и степень общественной опасности преступления, данные о личности виновного, влияние назначенного наказания на исправление осужденного и на условия жизни его семьи, обстоятельства дела.

Учитывая, что Моисеев ранее к уголовной ответственности не привлекался, его возраст и состояние здоровья, положительные данные о его личности, отсутствие отягчающих по делу обстоятельств, суд обоснованно признал возможным применить к Моисееву ст.64 УК РФ и назначить ему наказание более мягкое, чем предусмотрено за данное преступление.

При таких обстоятельствах судебная коллегия не может согласиться с доводами кассационного протеста о том, что суд неосновательно применил ст.64 УК РФ, а также, что осужденному Моисееву назначено чрезмерно мягкое наказание.

Исходя из изложенного, руководствуясь ст. 339 УПК РСФСР, судебная коллегия

ОПРЕДЕЛИЛА:

приговор Московского городского суда от 14 августа 2001 года в отношении **Моисеева Валентина Ивановича** оставить без изменения, а кассационные жалобы и протест – без удовлетворения.

Председательствующий *Моисеев В. И.*

Судьи *В. И. Моисеев*

Справка: осужденный Моисеев В. И. содержится в учреждении ИЗ ФСБ РФ.

ВЕРНО: Судья Верховного Суда РФ *В. И. Моисеев*

КОПИИ ОПРЕДЕЛЕНИЯ НАПРАВЛЕНЫ:

1. Начальнику

Упр. ИЗ-ФСБ РФ. 2. Москвн
в отб. Моисеева В. И.

2. Кр-ра РФ

3. Дело отправлено « . . . »

2001 года

года

в ИТале

Моисеев В. И.